
ПАМЯТИ О. Н. КЕНА

В 2007 г. Генеральное Консульство Республики Польша и Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук выступили соучредителями конкурса студенческих и аспирантских работ памяти О. Н. Кена — безвременно ушедшего от нас в 2007 г. крупного российского историка, человека, чьи работы составили веху в изучении источников истории советского общества. В 2008 г. подведены итоги первого конкурса — в нем приняли участие студенты из разных регионов России. То, что среди соучредителей конкурса был и СПбИИ РАН, едва ли случайно. Именно здесь О. Н. Кен защитил докторскую диссертацию, ряд его публикаций, в том числе монография, написанная в соавторстве с другими историками, вышел под грифом института.

В научном творчестве О. Н. Кена ярко отразились присущие ему человеческие качества — честность и чувство ответственности за свое дело. Много говорилось о гамбургском счете в науке, но его критерии все же признаются условными, неотчетливыми и субъективными. В гуманитарных отраслях знания мало непреложных истин. Здесь нередко важнее интеллектуальный вызов, парадоксальность выбора цели, необычность исследовательских приемов. В этом отношении труды О. Н. Кена по истории России XX в. — величины абсолютные. Его работы по широте рассматриваемых сюжетов и глобальности историографических обобщений, может быть, и уступают претендующим на энциклопедичность многотомным «историям дипломатий» с их характерной для коллективных трудов нивелировкой методов, жанров, языка и оценок, но едва ли это причиняло ему беспокойство. Он редко брался опровергать банальности и штампы — казалось, он их просто не замечал. Он готов был оценить скорее новаторский импульс и творческий дух незавершенного поиска, нежели монументальную громоздкость квазисистемного сочинения и его тусклую риторику, заданную идеологическими приоритетами времени.

Для него была важнее свобода самовыражения историка, в каких бы формах она ни выявлялась и к каким бы результатам ни приводила. Присущая ему тщательность в реконструкции порой микроскопиче-

ских деталей событий никогда не превращала его тексты в позитивистское описание. Важен для него был и стиль научной речи. Перечитывая работы О. Н. Кена, видишь, сколь отличается его письмо от канцеляризованных дипломатического лексикона, прочно вошедших в арсенал языковых средств историков советской внешней политики. Все находится в редком равновесии. Язык академичен, но не наукообразен. Столь потребная любому научному исследованию толика иронии, остроумия и афористичности не превращает текст в «исповедь горячего сердца» с его чуждым творческому духу надрывом, экзальтацией и налетом провинциальной литературщины. После работ О. Н. Кена стало невозможно писать историю советской дипломатии по старинке — с умеренным пафосом, с уверенностью в вечной правоте миротворцев литвиновской и молотовской когорты.

Первой его значительной работой была монография об отношениях СССР и Польши в 1930-е гг. — «Collective Security or Isolation?: Soviet Foreign Policy and Poland, 1930–1935» (St. Petersburg, 1996). Это ее оригинальное название — книга написана и издана автором на английском языке. Станным этот дебют является лишь на первый взгляд. Другой язык — это и разрыв с советскими историографическими прописями, неотделимыми от речевых штампов, и лаборатория упрощения строгости и точности неидеологизированного мышления. Это и средство обсудить работу в иной интеллектуальной среде — развивающейся в силу других импульсов, с другими, непривычными кодами интерпретаций. Как бы ни показалась рискованной такая метафора, но это — обряд идентификации русского историка как европейца, придуманный им самим и для самого себя и, как обычно бывало у О. Н. Кена, сильно усложненный.

Любую концепцию, ставшую предметом рассмотрения целого исследования, нельзя пересказать в нескольких абзацах, не упростив ее и тем самым не исказив. Более важным представляется отметить роль этого и следующих трудов О. Н. Кена в его становлении как историка. Это была его первая крупная работа, и в ней отчетливее всего выявились и специфические приемы его реконструкций, и талант аналитика, и чувство истории — понимание незавершенности и нереализованности дипломатических комбинаций, их постоянно меняющегося контекста. В центре его внимания — то время, когда Советский Союз менял свои внешнеполитические ориентиры. Антиверсальский союз СССР и Германии уходил в прошлое. Германо-польское сближение 1930–1931 гг. заставляло руководителей СССР искать пути для улучшения отношений с «антиревизионистской коалицией» в Европе — с Францией, Польшей, Малой Антантой. Начинался подробный подсчет «выгод» — кто окажется щедрее, кто будет более надежен, союз с кем окажется перспективнее, можно ли строить отношения с Польшей, не оглядываясь на Германию, стоит ли ради союза с Францией идти на подписание советско-польского пакта, не станет ли сближение Франции и Польши с СССР козырем, с помощью которого те окажут давление на Герма-

нию, дабы побудить ее примкнуть к антисоветскому походу. Что означает смена вех — стратегический курс на коллективную безопасность или промежуточный этап в достижении целей, которые нашли отражение в советско-германском секретном протоколе 23 августа 1939 г.? «Амбивалентная природа международных отношений допускает обе интерпретации», — пишет О. Н. Кен, и то же самое можно сказать обо всех фазах дипломатических операций, последствия которых могли стать неожиданными для их участников и запутанными для пишущих о них историков.

На этой сцене очень много игроков, которые заняты во многих действиях и играют не одну роль и которые то подчиняются обстоятельствам, то сами их создают. Это не автоматы, безропотные выполняющие полученные ими команды. Многие из них, не исключая и советских дипломатов, ссорятся и интригуют, спорят и обманывают, импровизируют и поучают. Проследить за каждым из них — особое искусство. Так отшифровывается и усложняется почерк исследователя, не связанного идеологемами и не нуждающегося в цензурных окантовках мысли: разбор приемов комбинационной игры является лучшей интеллектуальной лабораторией.

Монография «Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1: Декабрь 1928–июнь 1934 г.» (СПб., 2000), написанная О. Н. Кеном в соавторстве с А. И. Рупасовым, до сих пор остается непревзойденным образцом системного исследования советской внешней политики, где в редком равновесии находятся собственно «позитивистская» и аналитическая части. Опыт показывает, что скрупулезный поиск мелких фактов не всегда сопровождается готовностью делать широкие обобщения. В потоке дат, имен, событий порой утрачивается системность взгляда историка, пытающегося понять общую логику, причины и следствия дипломатических поединков. Авторам книги этого удалось избежать. Рассмотрение проблемы во всех ее контекстах, в переплетениях основных и неосновных линий — одно из главных ее достоинств. В книге есть и другое — образцовая методика складывания мозаики фактов, блестящий стиль, глубокие и оригинальные выводы. Ей присуще какое-то тотальное неприятие банальностей — борясь с ними, авторы не чуждаются и едкой иронии, которая, правда, не является здесь композиционной доминантой.

Главный вывод книги О. Н. Кена и А. И. Рупасова — то, что попытке СССР установить близкие отношения с ведущими игроками на европейской политической сцене наталкивались с их стороны на требование прежде всего улучшить отношения с собственными соседями, — в какой-то мере подготовлен выводами первой книги О. Н. Кена. Однако теперь он обосновывается на примере не одной лишь Польши и намного более глубоко и фундаментально. Можно не столько поставить авторам в упрек (едва ли он будет оправданным), сколько посетовать на неизбежную фрагментарность книги, определенную ее общим замыс-

лом. Целостность изложения в ней раздроблена. Следя за перипетиями решений тех или иных вопросов, авторы вынуждены обращаться к одному и тому же сюжету иногда по несколько раз. Многочисленные отсылки от одного комментария к другому, более детально объясняющему суть дела, также затрудняют чтение. Однако такой подход при всех его изъянах позволяет намного лучше изучить действие механизмов принятия внешнеполитических решений в СССР, а они определялись не только в коридорах Кремля и кабинетах наркомов и посланников — это был итог работы мельчайших звеньев и винтиков всего дипломатического аппарата. Редко в каком из последних трудов по этой теме мы увидим столь необычную микроскопичность взгляда историка, шаг за шагом выявляющего этапы конструирования внешнеполитических ответов и инициатив. За каждым принятым решением — ворох экспертиз, справок, дипломатических дневников, писем, жалоб и доносов. За ними — склоки и интриги наркоминдельцев различных уровней, притязания национально-политических элит, органов безопасности и военных ведомств. Наблюдая за этим, мы не только меняем свои представления о дипломатической «кухне» того времени — намного более сложной, чем еще совсем недавно считалось. Требуют существенного уточнения и наши оценки установившегося в СССР в 1920–1930-е гг. политического режима. Мы видим, что Сталин лишь изредка и только в особых случаях (как это было, например, при заключении пакта с Польшей в 1932 г.) вмешивался в работу Наркоминдела. Его соратники, в частности Каганович и Молотов, остававшиеся «на хозяйстве» во время отпусков «хозяина», самостоятельной роли, как правило, не играли. Назвать внешнюю политику вотчиной Литвинова тоже нельзя — члены коллегии НКВД, бдительно следя друг за другом и за своим руководителем, при случае апеллировали непосредственно к ЦК. Под определение тоталитаризма все это явно не подходит — здесь надо либо использовать другие общепризнанные термины, либо придумывать свои, новые, более адекватно описывающие явления.

Пожалуй, впервые именно в этой книге была опробована методика комплексного исследования всех составных элементов политической практики советского режима, мастерски примененная в следующей монографии О. Н. Кена, — «Мобилизационное планирование в политических решениях: Конец 20–середина 1930-х гг.» (СПб., 2002).

Выбор темы едва ли случаен. Военные штудии всегда были предметом пристального внимания О. Н. Кена — сошлюсь при этом и на личные впечатления, хотя статей по данной проблематике у него немного. Попытка объяснить мобилизационное планирование внешнеполитическими расчетами вполне естественна для того, кто внимательно изучал мотивацию той или иной дипломатической комбинации. Нюансы взаимоотношений различных групп в высших эшелонах власти О. Н. Кен знал едва ли не досконально: в его предыдущей книге они рассматривались в более широком аспекте и не ограничивались только дипломатическими институтами.

Эта замечательная во многих отношениях книга, как кажется, все еще недостаточно оценена. Отметим, правда, что в журнале «Отечественная история» на нее были одновременно опубликованы две рецензии — случай в общем-то редкий. Отзывы эти — сдержанно-критические, хотя оба рецензента, едва ли сговариваясь, признали «талантливость» автора — определение весьма нечастое в академической критике. Для О. Н. Кена эта работа имела особый смысл. Здесь он не был скован, как в предыдущей книге, жанром комментария, хотя и таковой не являлся для него существенной помехой — отдельные примечания насчитывают иногда несколько страниц. Он мог высказываться не на чужом, а на своем родном языке, все нюансы которого чувствовал превосходно — игра со словом при особом внимании к его ироничному подтексту была значимым элементом его интеллектуального инструментария. Он стал настолько хорошим знатоком темы, что о многих ее сюжетах способен был говорить свободно и раскованно, порой даже импровизационно, и мог позволить себе публицистическую заостренность выводов — последнее обычно и ставилось ему в вину.

Любое историческое сочинение несвободно от неточностей, излишней доверчивости к чужим оценкам и невнимания к специфике источников. Если эти недочеты не являются доминантой текста, предпочтительней не придирчиво их пересчитывать, а уловить общий дух книги и только затем оценивать ее подлинное значение. Может быть, тогда станут яснее мотивы неприязни О. Н. Кена к фактографическому фетишизму. Спорными показались его рассуждения о том, что советский военный «паровой каток», ошетилившийся пушками и поставленный на гусеницы в 1930-е гг., не мог долго оставаться на запасных путях. Где доказательства готовящейся агрессии, где проекты планов и сами планы, где точные директивы? А что, разве ощущение полной защищенности и недостижимости не может вызвать соблазна совершить агрессию? Не стоит только рассматривать эту связь слишком прямолинейно. Каждодневное ощущение того, что ты сильнее, что твое могущество возрастает, разве не способно оно со временем изменить характер отношений, пусть на первых порах и со слабыми соседями? Но кто из агрессоров начинал осуществлять свои притязания поединком с сильным противником? Почему в 1920 г. считали успехом заключение мирного договора с Эстонией, а в 1940 г. эстонского министра на встрече в НКВД, задававшего вопрос «А нельзя ли...», Молотов оборвал словами «Нет, нельзя», даже не поинтересовавшись, что тот хотел спросить? Разумеется, сентенция о катке — это гипотеза, но разве гипотезы выдвигаются тогда, когда есть неопровержимые доказательства?

Везде в книге О. Н. Кена видишь стремление уйти от привычных и банальных трактовок причинно-следственных связей. За это иногда приходится платить шаткостью историографических конструкций, а это неизбежно рождает шквал критики. Но очевидно, что он органически был неспособен по-аптекарьски дозировать старые и новые подходы и галантно раскланиваться с прошлым. Работа по усилению мобилиза-

ционной готовности Красной Армии не была продиктована внешней угрозой, взгляды Ворошилова на военные реформы являлись более реалистичными и обоснованными, нежели прожекты Тухачевского, есть основания говорить об агрессивном генетическом коде советского военного мышления — эти и другие положения книги высказаны, кажется, даже в нарочито вызывающей форме, без всякого соблюдения научного политеса.

Несколько слов стоит сказать и о статьях О. Н. Кена, не связанных с тематикой его основных трудов. Диапазон его интересов проявляется в них намного более широко. Здесь он смог высказаться еще более свободно, эссеистично, парадоксально — и спорно. Нет тяжеловесной системности, необходимой в монументальных монографиях. Это блестящие «путешествия за открытиями», если воспользоваться известной фразой Гегеля о «Феноменологии духа». Один из философов как-то удачно заметил, что хотя в «Феноменологии духа» мы наблюдаем скорее строительные леса новой теории, они не менее важны, чем само здание. Здесь О. Н. Кену легче удавались афористичные замечания, каскад рискованных сравнений, игра метафорами. Но на историографические импровизации эти статьи мало похожи. В каждой из них видишь неповторимый стиль этого необычайно одаренного, талантливого человека — обдуманную парадоксальность замысла, отшлифованную до блеска форму, тщательную выписанность портретов и дозированную иронию взгляда — порой трудноуловимую, но придающую особую пластичность характеристикам людей и событий.

С. В. Яров